

В эту осень мой Михаил Иванович захворал. У нас, стариков, иначе в таком возрасте и не бывает: хочешь понять, почему это болит, — глянь в паспорт. А ему и глядеть не надо было: двадцать пятого года рождения, участник войны, ранен был. После войны тоже особо не жаловали — страну поднимал на вредном производстве. Там всю жизнь и проработал. А в стариковской немощи, знаете, не жизнь, а выживание. Каждый день дорого достаётся.

Потом врачи подлечили, вроде полегче ему стало. Да, видимо, ненадолго. Внезапно объявил, что приготавливаться ему следует. Почувствовал он это как-то. Я было возразить, но перечить не стала — старьёй Михаил Иванович, да всю жизнь с характером был. Бывало, и руку прикладывал, не в полную силу, но для нравоучения и справедливости. Так что лезть поперёк не стала — исполнила его волю.

Для такого случая у нас в сених гроб уже давно стоял, всё как полагается. Мы — люди понятливые и заранее к подобному готовились, что он, что я. Памятников Михаил Иванович у меня сроду не любил: его родители старообрядцами были — все под крестами ныне лежат. И мой решил так же.

В середине октября есть перестал. Сначала помаленьку, но кушал всё же. А потом вовсе отказался. Велел священника вести — обряд справлять. Надел чистую рубаху и больше уже с постели не вставал.

Пособоровали, значит, его и причастили. Стал доживать чистым. Всё лежал и глядел куда-то, будто жизнь свою вспоминал и обдумывал всяко. Тихо так стало у нас. Тихо и спокойно. И так-то ни телевизора, ни газет — если внук только из города новостей привезёт. А тут и вовсе тишина в дом вошла.

Навеяло однажды на Михаила Ивановича, позвал к себе, велел присесть возле кровати его. Присела я. Он и говорит:

— Ты уж прости меня, Катерина, что так вышло, что жили скудно, ничего доброго не видала от меня особо, ни любви горячей, ни ласки нежной. Никогда с тобой мы не шикавали, всё, что нажили, — детей да домик-развалюху. Работали всё да жили рвали, а друг другу в глаза порой и не смотрели. Бывало, и попивал я у тебя, бедокурил. Радости особой не видала ты со мной. Одна тяжесть да печаль. Всю жизнь волочили друг друга: то ты меня, то я тебя. Только вот упасть не дали друг другу — одно хорошо. А так...

Я взяла его руку двумя руками. У него большая рука была, властная. Взяла и говорю:

— Милый друг Михаил Иванович! Уж всяко лучше с тобой жили мы, без любви особой и ласки, роскоши и соблазна, чем молодёжь нынешняя сейчас живёт, когда время такое, что живи и радуйся! Жить да жить! Да и ещё жить дают по-человечески! Ан нет — не живут. Мы-то с тобой по чести прожили и по воле Божией, как смогли. Так что лучше всю жизнь с тобой и ни дня не жалеть, чем один день — как внуки и правнуки наши, без Христа в голове живут! Ни о чем не жалею, Михаил Иванович, ни о чем. Так что не думай лишнего да спать ложись, милый друг.

Улыбнулся он. Вроде даже прослезился, а может, и показалось мне...

А утром представился мой Михаил Иванович. Как будто последнее его не отпускало — у меня прощения попросить. А я на него ведь никогда не таила зла. Он всегда для меня был выше и справедливее, чем все на свете. Ведь я всегда знала — он не обидит. Пожурит для остротки, но не более. И если по делу — то по делу. Так вот и жили.

Ушёл этой осенью Михаил Иванович — теперь и мне за ним надо, нечего меня одну оставлять!

Тут с коровой не справлялся — а там ему вообще, наверно, тяжело без меня. Он ведь так не скажет никогда, не пожалуется, а ему одному сейчас тоже тошно, как и мне.

А вообще почаще ко мне заходите. Все в деревне вымерли давно. Я одна осталась, да вы, дачники, наездами живёте — больше и нету никого. Если воды набрать или, как сейчас, — переждать в тепле, пока у вас печка натопится дома, — милости прошу! Чаем всегда напою. Вы когда ещё раз поедете сюда, газеток захватите каких-нито. А то очень тошно в тишине сидеть да в угол глядеть, пока там не померещится что-нибудь. Пойду варенья крыжовного принесу — ещё чайку прихлебнём!

Старушка накинула тулуп и согнувшись вышла в низенькие сени.